АБГВАНСКИЕ СКАЗКИ

АБГИ
СУХУ

положение сванских трудовых крестьян, а также разгульная и развратная жизнь князей-феодалов.

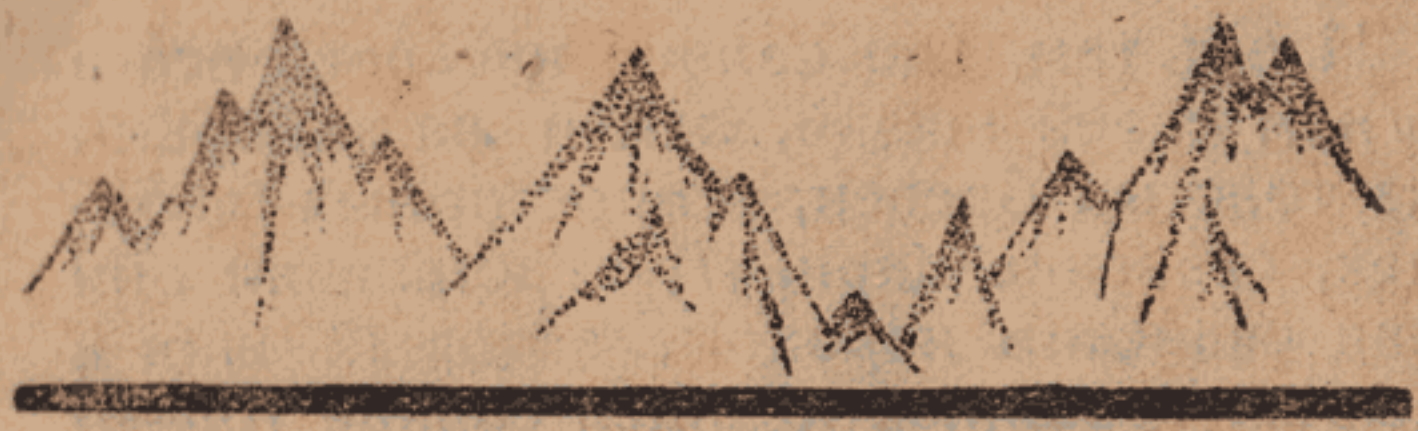
Вторая сказка „ТРИ БРАТА" носит сатирический характер. Она высмеивает лентяев и лежебоков и противопоставляет им сообразительность и находчивость.

В дальнейшем Наркомпрос намечает развернуть работу по сбору сказок на абхазском и других языках местных национальностей, снабдив выпускаемые сборники также и русскими переводами.

ИЗДАТЕЛЬСТВО.

1

Царица и кобылица



Это было так давно, что горы, которые стоят сейчас с белыми головами, были тогда черными от покрывавших их мохнатых пихт и длинных мхов. А седые пряди стремительных рек распадались тогда такими тихими, что бродившее по небу солнце видело в них—как горы показывали ему себя вверх ногами.

И все, начиная от солнца до тени самой высокой горы, было полно тогда молодой свежести.

Но и в те молодые времена было в горах два места: одно,—где солнце давало горам горячие взгляды своих огненных глаз и другое,—темные трещины сырых долин, куда оно совсем не заглядывало из боязни от сырости получить тяжелую грудную болезнь.

И вот там, где солнце касалось всего огнем своей жизни, жили за заборами из толстых бревен, в просторных дворцах, сванские цари. А царствовали они над сванским народом, который жил в сырых трещинах и видел солнце только на охоте или тогда, когда царь вызывал сванов на свой двор.

Мало было тогда хорошего, но если-бы было иначе, то не было бы этой хорошей сванской сказки.

* * *

В те времена был в Сванетии царь по имени Раши, а у царей был тогда обычай иметь жен-цариц, была и у Раши жена-царица Альраши. Была еще у царя кобылица. Царица была беременна, а кобылица жеребая. Так и жили они до той ночи, когда царица родила сына, а кобылица ожеребилась жеребцом.

Доволен был царь, что род его будет продолжаться, так как кроме этого сына он как не трудился, а других детей не имел. Довольна была и царица, а почему,—она никому не говорила. Кобылица тоже была довольна, так как тяжесть в животе мешала ей подниматься на горные пастбища и сокращала легкость и быстроту ее ног.

Девять дней и столько же ночей царская челядь резала, рубила, варила и жарила быков, коров, туров, коз, гусей и кур; курила раку. Во все концы сванского царства были посланы гонцы созывать самых старших представителей родовитых фамилий.

В то время в сванских деревнях нельзя было услышать ни мычания коровы, ни блеяния козы, ни куриного крика. Все отнесли сваны к царю на двор и передали его стряпухам. Большой тогда готовился пир.

Девять дней с'езжались по всем горным тропам именитые гости, а впереди их на девять верст растянулись вереницы разного скота, который гнали они царю в подарок.

Наконец пришел и день царского праздника. Сто лучших песенников было выбрано из всех сванских деревень и столько же лучших игроков на чанге и чунире и приведено в царский дом.

С'ехались гости. Приехал и поп.

Как пили, да пели, плясали, да как кушанья разные ели,—лучше и не говорить, а то так живот заболит, что и самой лучшей знахарке никогда той боли в год не унять. Только шел этот пир так долго, что у сванского народа не

то что быков, а даже куриного помета на дворе не видно стало.

И вот после того, как поп сказал имя родившегося наследника, пир закончился. Назвали царского сына Бербухом. А так как к тому времени все уже было из живого с'едено кроме одних лошадей, царь подарил своему новорожденному сыну жеребенка, который родился с ним в одну ночь, и назвал этого жеребенка Кетбыхом.

Бербух грудь мамок сосет. Кетбыха кобылица молоком поит. Оба растут быстро. Бербух стройным и крепким как пихта на середине горы. Кетбых—легким, тонконогим и быстрым—как горный тур.

А царю сосать нельзя, а кушать надо. Кушать же было нечего, так как во время пира все было с'едено.

Решил тогда царь войной итти на другого соседнего царя, у которого много разного скота было, так как у того в то время не было предлогов, чтобы пир устроить. Собрал царь своих приверженцев и пошел воевать.

Много раз после этого солнце уставало обходить сванские горы и дальше самых дальних гор не выходило; много раз оно поднималось на самую вершину своей голубой горы и сеяло оттуда го-

рячим семенем. И от этого семени быстрее росла трава на горах, покрывался зеленым пухом орешник, яблони завивались белым каракулем. А у людей эти семена падая горячили в теле каждую каплю крови до тех пор пока не закипала вся кровь от живота до самого сердца.

К этому времени Бербух стал таким сваном, что мог на своем жеребце догнать любого тура на самых крутых утесах. А Кетбых стал таким конем, что во всей Сванетии не было коня быстрее и выносливей его. И ничего в этом нет удивительного, так как каждому известно, что если в доме в одно время родятся мальчик и жеребец, то лучше их никого не может быть.

А царь Раши так все с тех пор и воюет.

* * *

Приходит один раз Бербух домой голодный и усталый. Он перед этим долго на охоте был. Входит во дворец, прошел одну комнату и только хотел войти в другую, как видит там,—мать его, царица Альраши, лежит на медвежьих шкурах вместе с первым визирем царским и разговаривает о том, чего не хотела сказать, почему довольна была, когда Бербуха родила.

Увидя свою мать в таком разговоре, Бербух ничего не сказал, а только подумал:—„Раз моя мать так умеет разговаривать с мужчинами—это хорошо! Должно быть отец мой Раши не знает таких слов, какие знает визирь. Если бы он знал эти слова, то у меня были бы братья и сестры. А если бы мать не разговаривала так с мужчинами, не родился бы и я“.

Так он подумал и пошел к своему жеребцу, решив никому ничего не рассказывать.

Альраши и визирь не знали того, что думал Бербух, поэтому они сильно испугались и оставив свой разговор неоконченным стали думать, что им теперь делать.

Тогда визирь говорит:—„Прекрасная царица Альраши! Ты лучше меня знаешь, что Бербух не мой сын. А сейчас он стал моим кровным врагом, так как, если я его не убью, он расскажет все царю Раши и тот отрубит мне голову. Тебя же, прекрасная Альраши, привяжет царь к кобыльему хвосту и пустит кобылу вскачь по крутым горам и на хвосте кроме веревки ничего не останется, когда остановится усталая кобыла“.

Так он сказал и стал ждать ответа от Альраши.

Царица долго не соглашалась, но визирь так хорошо сумел рассказать ей о кобыле и хвосте, что она согласилась и решили они приготовить для Бербуха напиток, который остановил бы в нем сердце.

Пока они думали и решали, Бербух чистил своего жеребца и кормил его кукурузой. Сам же ждал, когда его мать с визирем разговор окончит и позовет его обедать.

Но вот, выходит из дому царица, а позади нее визирь несет на блюде турий рог с вином.

— Здравствуй, Бербух!—говорит Альраши.—Как ты силен и крепок? Насколько туров стало в Сванских горах меньше за время твоей охоты?

— Благодарю тебя, мать! — ответил Бербух.—Я чувствую сейчас в себе большую силу и крепость, чем пихта моих лет. И охота моя была удачна, но только приготовь мне что-нибудь поесть, так как солнце еще вчера видело как я с пастухами ел сыр и турье сердце.

— Выпей из этого рога!—отвечает ему Альраши.—Пусть этот напиток даст тебе больше желания к еде и поможет

испробовать всех кушаний, что ставят для тебя сейчас на столе.

И вот Бербух протянул уже руку за рогом, как вдруг жеребец его заржал, затопал и стал рваться от дерева, к которому был привязан. Бербух бросился к коню и вдруг слышит как Кетбых говорит ему человеческим голосом:

— Не пей, Бербух, вина из рога, а дай сначала визирю из него отпить. Если же тот откажется, то выплесни вино в чашку вон той собаки, язык которой извивается от жажды.

Бербух так и сделал.

— Высокий гость наш!—обратился он к визирю.—Позволь мне чествовать тебя первым глотком из этого рога.

Визирь задрожал, а его лицо сделалось таким же белым как горы зимой и стал отказываться.

— Ну, если ты не хочешь,—спокойно проговорил Бербух,—то пусть этот рог достанется собаке!—и вылил вино в чашку приготовленную для собак.

Собака, бока которой сжимались от жажды, с жадностью стала лакать вылитое, потом вдруг завыла и в корчах, блюя пеной, повалилась замертво.

Альраши сильно тогда испугалась, так как не всякая женщина может спокойно сделать предательство вскормлен-

ному своей грудью („лустварс отгалте“— буквально — „грудь предала“). А испугавшись, как всякая женщина, решила охранить себя притворством и стала хватать себя за грудь, рвать платье, качаться и негромко стонать так, как будто у нее внутри Дав*) сидит и хочет замучить ее до смерти.

Визирь сразу догадался, почему она так делает, побежал за стариками-лекарями, подкупил их, чтобы они помогли им, пообещав каждому по жеребцу, быку и кобыле. Лекари согласились.

Стали они возле больной царицы, смотрят на нее, шепчутся. Потом велели на восток лицом положить и стали ее трясти, груди и живот мять, чтобы Дава выгнать. Не каждый ведь раз им приходилось цариц то так тискать. А Альраши терпит, молчит.

Но в это время вдруг приезжает царь Раши. Визирь к нему подбежал, упал в ноги, лбом бьет об пол и просит, чтобы тот простил его, что не сумел он ему царицу сберечь такою, чтобы могла она в первую же ночь с ним на одной шкуре спать.

И Бербух тут же стоит и тоже испуганный, потому что ему лучше были известны все хитрости коз и туров в

*) Дав—леший.

горах, чем притворство женщины. И так он испугался, что Дав его мать задушит, что даже думать не стал о том, как она его отравить хотела.

Тогда лекари, перестав тискать царицу, поклонились царю и заявили:

— Что ей теперь поможет? Знаешь ли ты, царь Раши?

Ну, а царь не знал. Да и как он мог знать, когда он не видел как Альраши, с визирем на шкуре лежа разговаривала.

— Ей поможет, — говорят лекари, — только кровь коня, который родился в ночь с ее первым ребенком.

Так они сказали и ушли, оставив встревоженного царя и опечаленного разлукой с конем Бербуха.

И вот царь Раши говорит сыну своему Бербуху:

— Возьми, сын мой, самый острый свой кинжал и зарежь своего жеребца Кетбыха. Зарежь его, потому что кровь его только и может выгнать из нутра твоей матери Дава.

Хоть и жалко было Бербуху резать Кетбыха, но воля отца не ждала возражений. Взял он кинжал и вышел во двор к жеребцу. А Кетбых как увидел, что он его резать хочет, — заплакал крупными слезами и говорит Бербуху:

. . . Жеребец подпрыгнул и сделал такой скачок, что сразу они взлетели выше всех гор...

— Не режь меня, Бербух! Вспомни, как спас я тебе жизнь, и еще не раз спасу, потому что знаю, что плохо тебе будет как никогда до сих пор.

Бербуху и самому было жалко жеребца и решил он его не резать. Пошел обратно в дом и говорит царю:

— Отец мой! Позволь мне, прежде чем зарезать коня, последний раз поскакать на нем.

А спросил он его так потому, что первая воля царя была зарезать коня и он, не отказываясь от нее, хотел услышать вторую его волю, которая позволила бы ему не выполнить первую.

Подумал Раши и решил, что от скачки кровь жеребца горячей будет, а от этого легче будет Дава выгнать, и разрешил Бербуху поскакать.

Бербух выбежал радостный во двор с решением окончить эту последнюю свою скачку тогда, когда из него самого выйдет последний вздох.

Вскочил он на Кетбыха, хлестнул его нагайкой, жеребец подпрыгнул и сделал такой скачек, что сразу они взлетели выше всех гор и скрылись за самой далекой из них.

Никто из видевших это никогда ничего подобного не видел в жизни. Не видел этого и царь. Поэтому все сильно

испугались, решив, что царского сына похитил тот Дав, который в царице сидел. А решили так потому, что как только Альраши узнала, что сын ее исчез таким чудесным образом, она сразу поправилась.

Теперь Альраши с визирем знали, что об их разговоре на медвежьей шкуре царь Раши никогда ничего не узнает.

* * *

Как только Бербух хлестнул нагайкой Кетбыха и тот сделал скачек, Бербух сразу почувствовал в себе такую силу и легкость, какую чувствует в жаркий день усталый путник в горах, выпивший воды из родника на горе Уатхара. Сила эта вырвалась из его груди радостным клекотом горного орла, а лишь успел его рот закрыться, как увидел он, что находятся они с Кетбыхом в другом царстве, во дворе дворца царя Годжи.

Но только тихо везде во дворе. Крепко задвинуты засовом ворота. Двери и окна во дворце тоже заперты и на них белые кресты нарисованы.

Тогда Кетбых говорит Бербуху:— Иди прямо в среднюю дверь, но не грудью, а спиной. Наступи правой пяткой на середину порога и дверь откроется.

Бербух сделал как велел Кетбых и

дверь во дворец раскрылась так, будто она и не была заперта. Входит Бербух и видит в самой большой комнате сидит царь Годжи и плачет. Плачет же он, должно быть, давно, так как в том месте, где слезы капали, в полу большая дыра продолбилась и в ней ручей себе дорогу просверлил.

— Здравствуй, царь Годжи!—поздоровался из вежливости Бербух.—Чьи руки заставили тебя такие слезы пролить, что соль их проела землю, а вода ручьем полилась?

— Прости, Бербух, что не могу тебя приветствовать в своем доме как почетного гостя,--отвечает ему Годжи.—Случилось со мной большое несчастье, и не руки обыкновенного человека принесли его, а оскорбил мою старость сам старший Дав. Ворвался он ко мне сонному во дворец, похитил мою жену и трех дочерей, разогнал всю челядь, а меня в моем же доме и двух моих зятьев в плену держит. А как ты попал сюда, храбрый Бербух? Ведь вот уже год, как никого из живых людей не пропускают сюда давы, обложившие большой силой все мое царство?

Бербуху стало жаль царя и поэтому захотелось помочь ему в его горе. Он спросил:

— Скажи, царь Годжи, нельзя ли что нибудь сделать, чтобы отнять у Дава твою жену и дочерей?

-- Что можно сделать?—ответил Годжи и высморкался, так как стал получать надежду в своем горе, которой у него до сих пор не было.

— Ничего, кроме двух зятьев, у меня не осталось, да и те такие, что даже давы их прогнать не захотели. Вон, лежат они под шкурами, на которых спали вместе с женами.

— Ну, хоть их дай мне,—говорит ему Бербух.—Пусть хоть коня стерегут, пока я у Дава твое семейство отнимать буду.

Царь Годжи с радостью согласился и велел зятьям своим отправляться с Бербухом.

* * *

Едет Бербух на Кетбыхе, а за ним оба зятя идут и ругаются, что пришлось им в такую опасную дорогу итти.

Шли, они, шли, наконец приходят к самой, высокой горе, за вершину которой всегда месяц рогом зацеплялся, когда нечаянно из-за туч выглядывал. А на вершине этой горы в пещерах находилось логово самого старшего, из всех давов,—Дава.

От земли до самого входа в пещеру была приставлена лестница, но такая узкая и хрупкая, что по ней только один человек мог подниматься.

Велел тогда Бербух обоим зятьям внизу с конем остаться, а сам полез вверх по лестнице. Лезет Бербух и на стотысячной ступеньке задумался: хорошо ли он сделал, что зятьев внизу оставил? Нужно было посоветываться с Кетбыхом.—Но теперь уже переделывать было поздно. Посмотрел он вниз, а там только облака ползают и закрывают все. Вздохнул Бербух и полез дальше.

Наконец добрался он до входа в пещеру и увидел, что все вокруг разными драгоценными камнями горит, переливается. Вместо ковра—золотым песком дорожка усыпана, а сбоку нее жемчуг крупный разбросан узорами; в стенах человечьи черепа вделаны и в них гнилушки воткнуты—дорогу освещают; входы из пещеры в пещеру богатыми шкурами завешаны.

Вот входит он в одну пещеру и видит по середине ее большая золотая тахта стоит и на ней спит самый старший Дав. В головах у Дава вместо подушки голая царская жена положена, а ноги давьи лежат на животе раздетой

старшей царской дочери. Средняя же дочь, на которой из одежды только кольца да браслеты были, стоит у изголовья с опахалом и мух разгоняет. И все три женщины потихоньку плачут из боязни разбудить Дава.

Подкрался Бербух к изголовью и спрашивает шопотом среднюю дочь: почему их здесь только трое, а не четверо и что случилось с четвертой.

Испугалась средняя дочь. Не того испугалась, что голая перед Бербухом стоит. К этому она уже привыкла, пока у Дава жила. А испугалась она, что проснется Дав и расправится с нею.

Но разве женщина может что-нибудь глубоко во рту держать, тем более когда у нее спрашивают то, что на кончике языка висит. А тут еще Бербух на нее смотрит точно голодный медведь на стадо коз. Ее даже в жар бросило. Кое как она все места у себя опахалом прикрыла и стала, путаясь языком меж зубами, рассказывать:

—Вот, если по этому коридору итти, то придешь в комнату с двенадцатью дверями. Все эти двери ведут в разные коридоры, в которых темно, как бывает дождливой осенней ночью; а в конце каждого коридора глубокая, до самого сердца земли, пропасть. И только одна

спаслись, но за их спасенье пострадала Саньяни. И когда та спустилась с еще трепещущим от ласк сердцем, они набросились с криками на нее.

— Саньяни, ты опозорила весь наш род! Но мы выручим тебя и отомстим. Пусть сдохнет он там на верху! — и велели мужьям уронить лестницу.

— Мы никому не скажем, что ты обесчещена. —Говорили между тем мужчины. — Мы найдем тебе из придворных подходящего мужа. А про Бербуха скажем, что его убил Дав и что только благодаря нам вы все спаслись.

Что могла им ответить Саньяни, потерявшая мужа, но уже носившая семя его огненной страсти в своем теле?..

Зятья повели женщин к коню, желая посадить на него одну из них; но как только Кетбых увидел, что с ними нет Бербуха, он прыгнул и, звонко заржав, скрылся из глаз.

* * *

Месяц зацепился рогом за вершину скалы и повис на ней. А вдоль скалы по узкой тропе спускался Бербух, вспоминая ласки жены своей Саньяни.

Но что это с треском, как сорвавшийся камень, ударилось впереди на тропе?

Бербух напряг свои глаза и слух... До него донеслось радостное ржанье Кетбыха.

Кетбых мчит Бербуха через стремнины, ущелья и горы. То, что надо проходить в год, он перескакивает за двенадцать прыжков; и едва только восток покрылся дымкой рассвета, Кетбых подвозил Бербуха к земле царя Годжи.

Едут они долинами, едут лесными горными тропами, переплывают реки везде видят,—как гонят пастухи быков, коз и коров, как везде курят раку, а охотники тащат на спинах убитых ими туров.

Остановил Бербух одного пастуха и спрашивает:

— Куда гонят весь этот скот?

— О-о!—воскликнул пастух—Большой пир делает царь наш Годжи. Его зятья спасли все царство от власти давов, нашли царицу и царских дочерей.

— Так!—сказал Бербух,—А не знаешь ли ты, куда делся тот человек, который с ними на Дава ходил?

— Убит тот человек, путник!

— Вот что!—предложил пастуху Бербух.—Давай поменяемся со мною платьем. Ты бери мое, а я одену твое.

Пастух не заставил себя долго упрашивать и они поменялись.

Едет Бербух дальше. Наконец приезжает во дворец и идет к старшей стряпухе.

— Нельзя ли, хозяйка, помочь тебе чем нибудь во время пира?

Посмотрела на него стряпуха, видит одет он бедно, и пожалела.

— Иди,—говорит она,—на кухню, а как будут обед подавать, возьми блюдо и неси в комнату. Хорошо подашь, наградит тебя царь, подашь плохо—выгонит.

Пошел Бербух на кухню, а как пришло время обед подавать—взял блюдо и понес, и с таким почетом подал его царю, что тот велел тамаде наградить его.

Никто не узнал Бербуха, так как длинная черная борода отца родного скрывает от сына и только жена всегда знает такие отметки, по которым и впотьмах мужа найдет. Нашла такие отметки в Бербухе и Саньяни. Нашла, но никому ничего не сказала.

А зятья к тому времени уже уговорили царя женихов для Саньяни пригласить и заставить ее сделать выбор.

Самое длинное у женщины—волос. Самое большое у женщины—сердце. Самое многое у женщины—хитрость.

Саньяни туго заплела свою косу, покрылась персидским платком и, слушая свое сердце, дала волю хитрости.

— Я согласна, царь и отец мой,—сказала она Годжи,—дать счастье одному из этих женихов. Но сначала хочу узнать смогут ли они поймать свое счастье. Я брошу яблоко кверху, а они на своих конях пусть поймают его. И кто сумеет, тот пусть назовется твоим зятем.

Царь согласился. Согласились и зятья царские. Только женщины молчали, так как не могли разгадать—что хочет сделать Саньяни.

Вышли все во двор. Сели женихи на коней. Сел и Бербух на Кетбыхе. И говорит ему тогда Кетбых:

— Был Бербух у тебя отец. Звали его Пахо. Был он лучшим охотником в Сванетии, но из всей дичи, которую он когда либо брал, лучшей была твоя мать Альраши. Ни царь, ни визирь не смогли бы сделать такого джигита как ты; а сделал его охотник Пахо. Был у Пахо жеребец Тбых, а на конюшне царя Раши была кобылица Кета. Была она лучшей из тех, которые были в Сванетии. От них вышел я. Будь же сегодня ты в своего отца, будь лучшим и поймай яблоко.

Только он сказал, Бербух даже обдумать и распросить его не успел, как Саньяни бросила яблоко. Свистнули в воздухе нагайки, взвились кони.

Два коня впереди Бербуха и царского визиря. Два коня—как два брата. Шея в шею, хвост в хвост. А яблоко уже падает и падает ближе к визирю. Вот уже кажется, что сердце стукнуть не успеет и схватит он его. Подобрался Бербух отскочил от седла и ловко перехватил яблоко.

Под'езжает потом он к царю, просит дать ему кинжал и обрезает себе бороду дочиста. Тогда узнали все Бербуха.

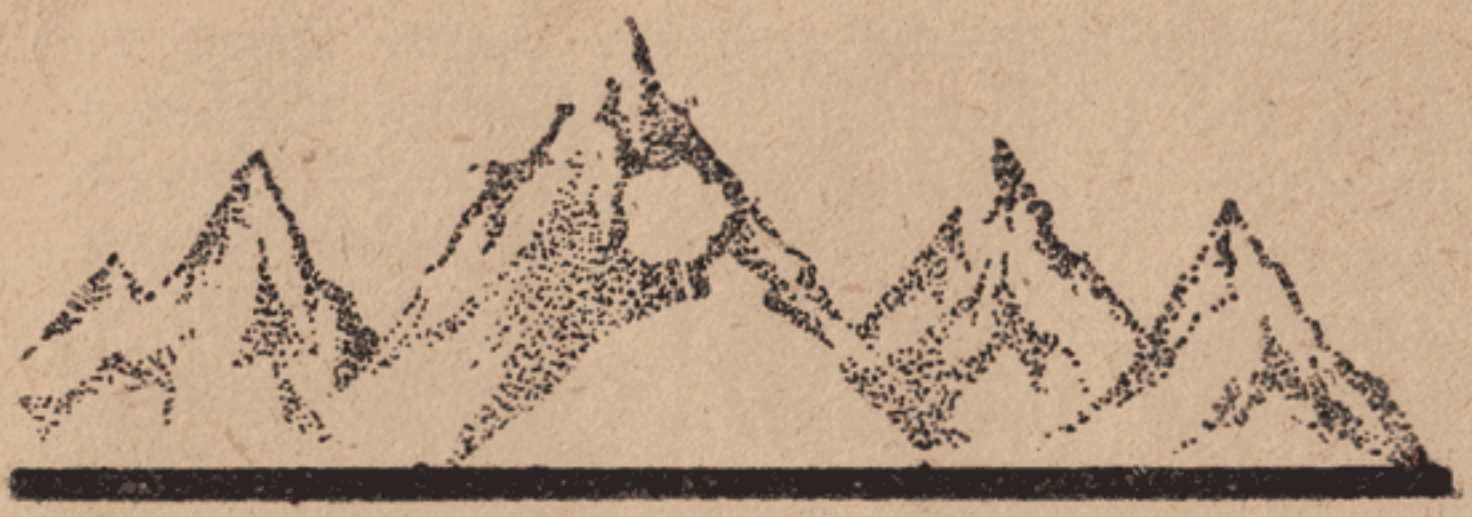
Царь глаза трет. Зятья под спальные шкуры прячутся. А царица с дочками старшими несут таз с кувшином и полотенцем руки гостю мыть, и так его приглашают—точно между ними ничего и не было.

Так и женился сын, охотника Пахо, Бербух, на дочери царя Годжи, Саньяни.

А не будь царицы Альраши да кобылицы Кеты,—не было бы Бербуха, не было бы и сказки.

2

Три брата



Есть такое место в Сванетии, где горы еще в старину расселись вокруг большого костра, чтобы согреть свои всегда холодные головы и плечи, — а потом незаметно заснули. Костер потух. А горы так и спят, и еще больше стало снега и холода на их согнувшихся головах. А там, где был костер, земля от ожога вздулась пузырем, похожим на сванскую шапку. И пока время прогоняло дни и ночи по горным хребтам, весь пузырь покрылся длинной травой и такими цветами, что солнце как увидело их первый раз, всегда потом стало считать своей обязанностью радоваться на них в течение всего своего пути над горами.

Цветы и трава потому были хорошими, что под ними пробивался родник, о котором знали только туры и козы, да три брата Акропир, Муза и Боди, имевшие в этом месте свой дом.

А дом был построен их дедами из крепких бревен многолетней пихты и огорожен забором. Яблони росли во дворе этого дома и кедр, под которым всегда собирались три брата, когда им надо было надумать свою дальнейшую жизнь.

Так вот и жили три брата. Туров прямо со двора стрелами били; стада свои не охраняли, потому что их и охранять не надо было: зачем козлу в горы стадо вести, когда и под бородой травы столько, что за девять лет не с'есть.

Всего было у братьев много, а когда все есть и его легко взять можно, всегда становится трудным не захотеть еще большего. Так и братья стали хотеть, но только не знали чего им пожелать для себя. Еслибы кто спросил младшего брата, то он бы сказал, так как ему приходилось и коз загонять, и доить их и мясо жарить, и туров убитых братьями в дом таскать,—но из уважения к старшим он молчал. Так вот они жили а потом случилось с ними много странных историй.

Случилось это тогда, когда в сванских горах, да должно быть и по всей земле было все бело. Многие самые глубокие, горные трещины были с избытком забиты снегом и тогда совсем не казались трещинами.

Все звери, которые любили бродить в горах по самым верхним лесным тропинкам, ушли далеко вниз, в самую чащу и стало в горах пусто как в дырявом роге, которым когда-то пили раку в веселой компании.

Собрались в то время братья под кедром и стал говорить старший.

— Дорогие мои братья, Муза и ты Боди! Все время пока солнце горячо смеялось там наверху, разглядывая наш дом, мы знали как нам нужно жить. А теперь, когда ночь сильно запутала солнце в свои траурные одежды и выпускает его только на короткий срок вздохнуть морозом,—жизнь наша ограничилась заботами о желудке. Скажите мне, братья Муза и Боди, так ли нам надо жить?—Сказал так старший брат Акропир и замолчал, давая братьям возможность обдумать ответ свой.

Когда все хорошо подумали, стал говорить второй брат Акропира,—Муза.

— Дорогие мои братья: ты, старший и самый умный из нас, брат Акропир,

и ты, самый младший и еще неопытный, брат Боди! Нужно ли нам сидеть здесь и работать в хозяйстве, когда эту работу может сделать и без нас любая женщина, у которой есть руки? Горит у меня в сердце огонь большого желания проводить время так, как проводит его сильный, удалой и храбрый из всех сванов сван. Пойдемте в горы по тайным тропам. Подстережем беспечных охотников и в отважной борьбе заберем их добычу. Или найдем повод, чтобы напасть на двор чужой фамилии и выкрадем себе жен, которых нет у нас, чтобы приготовлять нам обед и постели.

Так сказал второй брат Муза и тоже замолчал, чтобы дать возможность обдумать его предложение двум своим братьям.

Младший брат Боди, помолчав ровно столько, сколько нужно было из уважения к старшим братьям, встал и сказал так:

— Самый сильный и умный из нас троих, старший мой брат, Акропир и ты, почти не уступающий ему ни в одном из этих качеств, второй брат мой, Муза—имейте терпение выслушать глупые слова слабого по сравнению с вами вашего младшего брата Боди. Я готов

слушать ваши речи всю мою жизнь и исполнять все ваши желания. Ваша жизнь — моя жизнь! Ваша дорога — мой путь! Ваши мысли, да будут моими мыслями! Но из моей маленькой головы хочет выйти большое желание сделать вашу жизнь приятней чем та, которую вы имеете. Позвольте мне делать для вас по хозяйству все, что только может вам быть приятным и даст случай сберечь свои силы для будущих охот к тому времени, когда снова солнце уберет белую шкуру с земли и развесит в лесах по деревьям зеленые листья. Если этого вы мне не разрешите, я готов итти с вами искать судьбу и преодолевать нужду и опасности и радоваться вашей радостью.

Так сказал младший брат Боди и отошел в сторону, чтобы не мешать старшим братьям обдумывать его просьбу.

Но оба брата не обратили внимания на его слова, так как без меры были горды своим старшинством, и, поговорив между собой, приказали ему готовиться в дорогу. Настолько у них было храбрости у себя дома, заставившей желать преодолеть опасности, которые всегда готовит судьба зимой в горах каждому путнику, и так им хотелось показать перед младшим братом свою лов-

кость и храбрость, о которых они слышали из песен и сказок, но не знали, что всего этого не получают дома лежа на шкурах.

* * *

Уже месяц стал бледнеть от усталости и отыскивал своим круглым глазом место, куда можно было бы ему спрятаться от приближавшегося за дальними горами солнца, а братья все еще шли по турьим тропам.

Чем дальше они идут, тем пустынней все делается и уже месяц успокоился на спине большой мягкой тучи; уже сбросила с себя туча все излишки снежного запаса; уже ветер, просвистев по вершинам, погнал белые струи сухого снега,—а братья идут спотыкаясь о камни, мерзнут от сильного ветра и голода, который успел уже забраться в их животы. Каждый из них, кроме младшего, думает про себя,—зачем они не дома, а пошли судьбу испытывать.

Хочется братьям согреть себя пищей и утолить голод. Но кругом ничего нет, что могло бы дать им подходящий приют.

Тогда младший брат, желая вызвать в них бодрость, сказал:

— Ловкие и храбрые мои братья, Акропир и Муза! Сильны и крепки вы

были дома, такими же остались и теперь. Но не так силен и крепок ваш младший брат. Ноги мои все чаще зацепляются за камни и скользят на крутой тропе, а тощий желудок совсем не согревает меня. Мы пошли, чтобы искать возможность показать свою удаль и способности в каждом случае, какой нам даст судьба. И вот судьба дала нам случай показать свою находчивость. Как самый слабый я отказываюсь от него в вашу пользу и не заставляю себя ожидать, что вы захотите накормить и согреть мое усталое тело.

Только сказал он это, как старший брат заметил в стороне огонь большого костра, но никому ничего не сказал, так как считал, что ему попал очень удачный случай легко показать свое превосходство в трудное время. Поэтому он велел братьям ожидать себя, а сам направился к костру.

А у костра сидело двенадцать давов и все они между собою были братья. Давы отдыхали после того, как только что закончили переброску снега на лесные тропы, заметя их ветром и завалив сугробами.

Как увидел Акропир, что у костра сидят мохнатые давы, то так испугался,

что упал за камнем и притворился мертвым.

Заметили костер и два других брата, но также молчали, так как каждый из них хотел встретить брата удивлением его находчивости. Так сидели они и ждали, но наконец решили, что встретил Акропир у костра кого нибудь из соседей и в разговоре забыл о них.

Подумал тогда средний брат, что не плохо было бы и ему у костра погреться и, велев младшему брату ожидать его, сам пошел на огонь.

Но и он, как увидел давов, испугался больше чем старший брат и тоже, свалившись за камни, принял вид мертверца.

Лежат два брата за камнями. Давы у костра сидят. А время идет. Ждет Боди братьев. Ждет их столько времени, что от его дыхания вокруг снег сыреть начал. Встал тогда он и пошел тоже к костру.

Приходит и видит: сидят двенадцать давов и смеются, а от их смеха с самых высоких гор камни как кукуруза сыпятся и ветер испуганно по лесу стонет и снег крутит. Подошел Боди к ним и по обычаю поздоровался:

— Добро вам! Пусть радуют вас дали ваши! Примите меня как гостя и расскажите,—не видели ли вы где нибудь моего старшего брата Акропира и другого второго моего брата Музу?—Так говоря, он подошел к самому костру, раздвинул давов и сел между ними греться.

С давами редко кто так осмеливался разговаривать в те времена. Ну, а все что не каждый раз бывает, всегда заставляет ожидать то, что придумать трудно, поэтому давы смутились и сказали:

— Братьям твоим мы ничего не делали. А они сами испугались нас и лежат вон там за камнями как мертвые. Ну, а ты если подошел к нашему огню, так по крайней мере хоть ужин нам сделай. — Так они сказали и завыли, прищелкивая клыками.

— Что я вам могу предложить, кроме приятной беседы?—ответил Боди.

— Ну, бесед приятных и у нас довольно!— провыли в ответ давы.—А так как ты кажешься не таким глупым как выглядишь, а кроме того замерз и голоден,— на, с'ешь турьего мяса, но с тем, чтобы вместо него предложил ты нам мяса человеческого!

Согласился Боди, так как от сильного голода у него живот стал так сжи-

маться, что начали даже кишки скрипеть. И решил он тогда давам на ужин свою левую руку отдать.

Дали ему давы целую ляжку от тура и не успели снова возле огня усесться, как Боди с'ел ее вместе с костями. Дали тогда ему давы другую ляжку; он половину с'ел, а другую половину отложил в сторону.

— Давай теперь нам человечьего мяса!—кричат давы.

Боди, хоть и жалко, но протягивает им левую руку и велит резать. Но они как запрыгают, завоют, хлопают ртами и кричат:

— Мало, мало! Давай нам две руки, три головы, одно сердце и шесть ног!

Видит Боди, что хотят они его с братьями уничтожить, а накормили они его для того, чтобы он жирнее был. Подумал так и решил спасти себя и обоих братьев.

— Нет у меня,—отвечает им,—столько всего, что вы требуете.

— Как нет?—кричат давы.—А братья твои разве не имеют голов? Начнем скорее, а то и нас уже голод мучает. Давай сюда своего старшего брата!

Разве мог тогда отказать в чем либо давам Боди? Но решил он всетаки спа-

сти старших братьев и стал тогда так давам говорить:

— Куда вам торопиться! Лучше подождите немного, пока ваши желудки не освободят места ровно настолько, сколько нужно, чтобы вместить все, что вы с'есть хотите. А кроме того хочу я все-таки от вас узнать ту отгадку, которую ищем мы. Ведь не думаете же вы, что пришли мы сюда только для того, чтобы вы нас зарезали и с'ели?

Давы подумали и согласились с тем, что пожалуй действительно братья не для этого пришли. И велели ему скорее загадку говорить.

— Пришла к нам в дом,—начал Боди,—одна старушка и спрашивает: „Где здесь старший в доме, хочу я с ним об одном деле говорить?—Выходит мой старший брат и говорит: „Я перед тобой женщина!"—Но она руками машет и опять просит, чтобы к ней старший вышел. Выходит тогда мой средний брат. Но и с ним не захотела старуха разговаривать и стала прощаться, а на прощанье вот что сказала:—„Старший из вас тот, кто умный, а умный тот, кто разгадку в моей загадке найдет".—И загадала:—„Стоял один небольшой бычек задними ногами в Черном море, а передними—в Белом море. Летел тогда

по небу коршун, увидел бычка; а так как голоден был, спустился ему на спину, впустил когти и взлетел вместе с ним до самой высокой горы. А на горе в то время тур стоял и траву щипал. Опустился к нему на правый рог коршун и стал бычка клевать. Но не знал коршун, что тур бородой целую деревню закрывал. Если бы знал то ел бы осторожней, а то так бычка драл, что кости во все стороны летели. В это время в деревне одна женщина вышла во двор и подняла голову кверху, чтобы посмотреть—какая на утро погода будет. Вдруг коршун из клюва бычью лопатку выпустил а та, падая попала женщине в глаз. Трет женщина глаз, не может лопатку вытереть. Пришло тогда двенадцать женщин и вытащили у ней из глаза мешавшую ей смотреть лопатку и бросили в сторону. Бросили и ушли. А на этой лопатке в скором времени поселилось 100 дымов*). Но стала к этой лопатке часто одна лисица приходить. Придет, лапой толкнет лопатку—уйдет. Потом опять придет и опять толкнет. Надоело людям на лопатке вертеться. Взяли они и убили лисицу. Убили лисицу, стали шкуру снимать. Верхнюю часть сняли, а нижнюю как ни старались,

*) Дым—дом, очаг.

... А последний дав, уничтожив своего противника, поскользнулся и упал в костер...

не смогли так как не хватило силы перевернуть лисицы. Но из верхней половинки сшили они себе 100 шуб и 100 шапок. Идет однажды мимо убитой лисицы женщина и на руках несет ребенка. Увидела она, что с лисы половина шкуры не снята, перевернула ее одним пальцем, сняла шкуру и думала из нее ребенку шапку сшить. Примерила шкуру, но оказалось что шкуры на шапку не хватает".—Вот, такую загадку дала нам старуха и, уходя, сказала:—„Кто из вас узнает, кто в этой загадке самый большой был, тот и будет старшим и самым умным!—Думали, думали мы, но так и не отгадали. Поэтому и пошли мы, чтобы у других узнать об отгадке. И ничего нам теперь в жизни не надо, как только узнать отгадку. Если скажите нам ее, то мы сами с радостью к вам в рот полезем. Ешьте тогда нас!

Так сказал Боди и отошел в сторону.

Стали давы думать, копытом в носу скребут. Потом стали спорить, да так, что внизу под горой лес стал гнуться. Спорят, спорят, но до конца дойти не могут.

Потом драка между ними началась. Один как хватит в живот другого, тот так и лопнул. Но за него заступился

третий. Против третьего вышел четвертый, а потом пятый... так один за одним. Шум подняли, вой. Снег закрутился, ветер задул. Стон стоит. И только слышно, как с треском лопаются давьи животы. А последний, уничтожив своего противника, поскользнулся и упал в костер.

Так и уничтожили давы сами себя, не решив загадки.

А для чего спорили—неизвестно, так как даже я, старик, знаю,—что самый большой в сказке ребенок был, на шапку которому половины лисьей шкуры не хватило.

DO NOT

Цена 50 коп.

